

Аркадий Фрейдлин

ГОЛУБОЙ МАЙЗЛ

роман – сюита

основано на почти реальных событиях

Аркадий Львович Фрейдлин

Голубой Майзл. Роман-сюита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448264

ISBN 9785005062932

Аннотация

Считавшийся пропавшим во время Второй Мировой войны редкий бриллиант под названием Голубой Майзл благодаря мистической случайности и удивительным переплетениям событий обретает новую жизнь в наше время. Что принесёт очередное путешествие алмаза его номинальным владельцам? Сколько судеб при этом изменит? Еврейская семья из Праги, торговец оружием из ЮАР, ювелир из Бронкса, стартапер из России, швейцарский коллекционер и даже нобелевский лауреат – все станут другими после встречи с ним.

Содержание

Прага. Париж. Берн	5
Нью-Йорк. Дрезден	24
Чева	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Голубой Майзл Роман-сюита

Аркадий Львович
Фрейдлин

© Аркадий Львович Фрейдлин, 2019

ISBN 978-5-0050-6293-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю моим родителям.

*С благодарностью Ларисе Кофман
за помощь в написании этой книги.*

Особая благодарность

Марине Козловой за участие и советы.

Прага. Париж. Берн

Ahoj¹, Сис!

Я, конечно, могу сразу тебе всё рассказать! Вот прямо взять и выпалить, что нашёл... Но не буду. По телефону или «Скайпу» точно бы не сдержался. Вот поэтому и придумал оригинальный ход – всё наговорить на диктофон. Буду себе представлять, как в процессе прослушивания ты меняешься в лице, как левый твой глаз слегка прищуривается, правый открывается больше и больше, как по мере удивления ты хрустишь костяшками своих длинных пальцев и нервно сгрызаешь лак с ногтей. Ладно-ладно, убирай ухмылку, есть у тебя такая привычка. Спроси хотя бы у Гонзы. Конечно, очень жаль, что не смогу всё это лицезреть воочию.

Так вот, Сис, пока вы там прохладжаетесь в своём Тунисе, тут твой братец вершит судьбы. Ну, не мира, конечно, но уж наши точно. Напряглась там, небось? Думаешь, что за доморощенный вершитель у нас тут такой понтуется? А вот он я!

С чего бы начать? А давай начну с обиды. Быстренько вспомянай нашу встречу напоследок. Стромовка... Май, кажется. Пока пацаны пинали какой-то черепок, я попытался было заикнуться о своём новом увлечении – копирайтинге. Ты удивилась незнакомому слову и возжелала подроб-

¹ Привет (чеш.).

ностей. И только я открыл свой фонтан красноречия, как позвонил твой олух Гонза. Он как всегда по-свински бесцеремонно затребовал тебя для удовлетворения своих мелкоэгоистических замыслов. И ты, дёрнув меня извинительно за ухо, быстро улизнула от моих откровений с близнецами в охапку. А я так и остался стоять в парке один-одинёшенек на предпоследней ступеньке почти оргазмической недосказанности. Было обидно! Да! И ради кого, собственно, такое страдание?

Зато теперь ты не сбежишь. Надеюсь... И я точно расскажу, что за зверь копирайтинг и как он повлиял на наши с тобой судьбы. Без этого ты сочтёшь меня больным на голову.

Сис, вспоминаем теперь мой блог. Да, ты его читала и даже комментила, однако регулярно ела мне мозги с требованием найти занятие посерьёзнее. Конкретики от тебя не поступило, и мне пришлось раскинуть мозгами самостоятельно. Да, Сис, я тоже могу напрягать извилины, не тебе же одной отдуваться за всю нашу семью. Я долго юзал эти самые извилины и решил, что будущее всё же за профиками. Вывод – нужно быстро специализироваться, а ниочёмный блог пусть остаётся вотчиной прыщавых тинейджеров. Вскорости мне пришла, я бы даже сказал, прибежала в голову гениальная идея: я начал разыскивать по сети малоизвестных художников. «Зачем?» – заинтересованно спросишь ты. А вот зачем: снабжая их картины своими оригинальными подписями, я стал постить их где только можно: социальные сети, те-

матические блоги, анонсы выставок и прочее. Помнишь же, у нашего соседа пана Рубека была энциклопедия искусств? Такие толстенные фолианты с шикарными для того времени иллюстрациями. У него в кабинете под старой зелёной лампой, ну, той, в стиле ар-деко, можно было с ними сидеть часами. Описания к картинам там были явно не для детей. Да что там, эти зубодробительные, иначе и не скажешь, тексты пропускали даже взрослые. Кто писал их, для кого? Кроме приступов тошноты и отвращения к высокому искусству, они ничего вызвать не могли. А я решил писать о новых картинах так, чтобы это читали все нормальные люди, получая при этом такие же живые эмоции, что и я.

Уже с первых постов я стал прирастать жирком из неофитов. Благодаря Цукербергу они лайкали и шарили мои посты в огромном количестве. Кто бы мог подумать, насколько пустой оказалась эта сетевая ниша. Я пришёл на это ристалище очень вовремя – сразу после битвы, чтобы среди трупов с обеих сторон застолбить ничейную землю. Тут нужно отдать должное и мне, согласишься, Сис? Видимо, у меня получилось своими умело приземлёнными мыслями приблизить их к ранее не доступному прекрасному. А всё на самом деле просто – я писал о чувствах, которые картины вызывают во мне, а не о том, чем занимаются прерафаэлиты, и откуда я знаю такое извращение. К тому же, как следствие перекрестного опыления среди френдзоны, опять же Марк постарался, я заочно познакомился и со многими уже известными

«малярами». По незнанию они тянулись ко мне, думая, что я какой-то арт-агент и смогу продать их работы. И, хотя я их разочаровывал отказами, в какой-то момент, ты не поверишь, я вдруг стал зарабатывать на этом. Да-да, именно зарабатывать!

Вот видишь, Сис, ты тоже можешь быть не права – оказывается, и сеть способна прокормить одинокого волка. Первый заказ пришёл прямо по мессенджеру. Галерея молодёжного искусства в Праге заказала мне общий слоган для выставки и синопсис для каждого художника. Во всех материалах они подсветили меня как автора и, признаюсь тебе, заплатили неожиданно щедро для молодёжной тусовки! Ну, а потом как прорвало – стали названивать из разных галерей и выставок. Они просекли фишку, что заплесневелыми шаблонами заманить целевую аудиторию уже не выходит. Народ больше не ведётся на слово «перформанс». Продавцам стало ясно, что пипл хочет съедобных понятий. И вот так я вместо безработного инженера стал гордо именоваться копирайтером на фрилансе.

Эка я разошёлся! Так залюбовался собой твоими глазами, что забылся. Короче, однажды... Вот обожаю словечко «однажды», это такой классный событийный порожек. Вот ничего не было, не было, и вдруг: «однажды», – бамс! – и «наш бог сотворил Землю». Так вот, однажды мне позвонили из Парижа. Того самого. Одна известная галерея затрещала мои мозги. Вот не зря я дублирую свои посты на ан-

глийском! Они там замыслили выставку одного новомодно-го портретиста. Я уже встречал его работы в сети, но ничего о нём не писал. А он, послушай, Сис, выкатил им условие, что, мол, как хотите, но анонс выставки должен быть поручен лично мне. Мне! Послушай ещё раз – только мне! Ты там правильно уловила смысловое ударение на слова «только» и «мне»? Ты уже начала гордиться своим браузером?

Они прислали мне пару его работ и зачем-то биографию. Я распечатал фотографии – я всегда так делаю, не воспринимаю картины на мониторе. И повесил их на стену. Формат А3 самый подходящий, чтобы вызвать во мне творческие потуги. Это были портреты. Два мужских и один женский. Весь нехитрый месседж художника я расщёлкал на раз. Иноземный бэкграунд с изображением каких-то фантастических планет и вполне себе земные люди на его фоне, сидящие в обычных креслах или на стульях. Плюс ко всему, для каждой работы был выбран свой преобладающий цвет. Поэтому условно можно было их назвать «Мужчина в коричневом», «Старик в жёлтом» и «Женщина в голубом».

Не устала? Может, сделаем перерыв? Наверняка тебе пацаны не дают меня послушать и ноют рядом как больные зубы. Я их, конечно, тоже люблю, но реально не представляю, как ты терпишь их более десяти минут?.. Отдохнём? Я пока курну свою сигаретку и, чтоб у тебя был стимул быстрее вернуться ко мне, скажу тебе шепотом: Сис, твоя жизнь после прослушивания другой части уже никогда не будет прежней.

Всё, чик – и меня нет.

Я уже тут и надеюсь, что ты ещё находишься в состоянии предвкушения, поэтому неспешно продолжим. Так вот, портреты: с мужскими проблем не было – несколько метких эпитетов, пара интересных аналогий и – оба-на – нетленка готова. Но вот с «голубым», это я так для себя его условно окрестил, у меня возникла небольшая загвоздка. Прошёл почти день, а я так и не родил ничего путного. Женщина на портрете упорно отказывала мне в главном – в открытости.

Будет легче представить, если я опишу, что на нём было: сидящая элегантная дама лет тридцати в шляпке и стильном бело-голубом костюме. Ты наверняка видела похожие костюмы на старых предвоенных фотографиях или в кино – такой строгий, приталенный. В подобном, ты должна точно помнить, снималась Адина Мандлова в тридцатых годах. Представила? Так вот, она сидела на обычном стуле, развёрнутом спинкой к зрителю, и рукой как бы поправляла светлый локон волос, падающий из-под канта фетровой шляпки «Клош» с завёрнутыми вверх краями, тонкой синей лентой и аккуратным бантом сбоку. Ты там уже подивилась моим познаниям в женском туалете? Это всё потому, что я как начинающий утопленник хватался за что попало. Сразу заплачусь – всё было безрезультатно. Пани смотрела на меня своими очень пряными глазами, прости за не любимую тобой тавтологию, и старательно увиливала от любых моих попы-

ток войти в её личное пространство. Мне даже не помог Артуро Фуэнте. А ведь эта сигара, предварительно пропитанная двенадцатилетним скотчем, всегда действовала безотказно!

Ни её одежда, ни стул, ни какая-то планета Z, нарисованная хоть и крупными, но старательными мазками, не находили во мне никакого правильного отклика, который я мог бы потом без усилия перевести на свой понятный для публики язык. Ты будешь смеяться, но тогда я впервые испытал, каким бывает кризис моего жанра. Представляешь, Сис, был даже момент, когда мне захотелось сдуть пыль со слова «экслектика». Вот как низко я пал!

Может быть, ты догадалась, что портрет композиционно напоминал фотографию – поза дамы, её статичность, этот явно общественный стул, лицо прямо в «объектив» уже было подвигли меня на вылазку за идей, однако всё портил её взгляд. Он не позволял мне хоть на шаг приблизиться к моей описательной цели. И чем больше я разглядывал портрет, тем больше портрет наблюдал за мной. Дориан Грей в юбке какой-то! Женщина смотрела на меня совсем не так, как обязан смотреть портрет на критика – боязливо и осторожно. Она... как бы подобрать правильное слово... изучала... нет... внимала меня. И даже это слово не отразит сущность начавшего пугать меня состояния. В какой-то момент я, признаюсь, по-детски струхнул, так как ничего более иррационального я не ощущал за всю жизнь.

Тогда я смалодушничал и снял распечатку со стены. Быст-

ро накарябал, что «голубой портрет особо удался мастеру, причём настолько хорошо, что ввёл меня в мистический транс», что по большей части и было правдой, но точно не той, которую от меня ждали как от оригинального копирайтера. Там была, конечно, мной дописана ещё какая-то несущественная ерунда, но она не стоит даже упоминания.

Ты там уже, наверное, задалась логичным вопросом: ну на кой хрен тебе это всё нужно слушать? Терпи, Сис, я рассказываю это не потому, что хочу поплакать в твой подол по столь мелкому поводу. Просто всё это, как оказалось в дальнейшем, важно для нас – и тут я делаю сильное ударение на «нас». Хочешь передохнуть или продолжим? Я пойду брошу в рот что-то съедобное и быстренько назад.

Так вот, ничего больше не меняя, я оформил, как нужно, заказ, выставил счёт и всё в подобающем виде отослал клиенту. Получил подтверждение, обещание прислать деньги и на этом искренне решил, что всё для меня уже закончилось. Как бы не так! Через несколько дней, буквально в следующий, дай бог твоей памяти, четверг мне вдруг позвонил сам художник и задал вопрос, который, как ты понимаешь, я больше всего не хотел услышать. Без обиняков он спросил, почему я не написал ничего существенного о женском портрете. Я замялся, начал бормотать что-то невнятное, но он прервал меня и просто позвал к себе в студию в Париж. Пообещал оплатить дорогу и проживание. Это было неожиданно, и я поинтересовался, не является ли это благотворитель-

ной акцией для бедного чешского копирайтера и что он ждёт от меня в качестве компенсации. Тут замялся он. С его дальнейших слов я понял, что он, вероятно, нашёл во мне брата по несчастью, потому как его собственный портрет на него тоже «смотрит», буквально сказал «watching me». И такое «holy shit» с ним приключилось первый раз. Ему захотелось, чтобы я лично проверил это свойство картины прямо на месте, пока он не свихнулся до выставки. И я не смог ему отказать!

Через день я уже выехал на своём «Форде» в сторону Парижа. Ты же знаешь, самолеты – это не моё. Я потратил на дорогу два дня, правда, глаза по сторонам и останавливаясь по наитию где попало по нашей старой недоброй привычке.

Художник оказался милым таким дядечкой средних лет и комплекции, весьма радушным, но явно угнетённым всей этой мистикой. Сис, ты бы видела его студию на окраине Парижа! Чердак, точнее, переделанный под мастерскую верхний этаж с окнами в небо, подобный тем, что сейчас в Праге расходятся как пирожки. Посидели, выпили, конечно, по бокалу какого-то красного вина, ты же знаешь, я в них разбираюсь как папа римский в рэпе, вот виски – это да, это моё. Он достал портрет из стопки картин, приготовленных для выставки, и ушёл, оставив нас с ним tête-à-tête².

Портрет в реальности был ещё красивее, чем на фотографии. Голубой доминирующий оттенок оказался вживую да-

² С глазу на глаз (франц.).

же не голубым – принтер да и монитор меня тут подвели. Знаешь, есть такой цвет без названия у снега или даже, скорее, у инея при сильном-сильном морозе, что-то между бледно-лунным и ледяным. Ну, и глаза... Ещё сильнее наблюдали, до мурашек. Посмотрел его и убрал – выдержать же было невозможно. Понимаешь, что значит для меня вдруг тихо поехать крышей? Вот-вот! Позвал я нашего художника. Допили бутылку, о портрете молчок, как будто я просто погулять вышел. Он, наверное, и сам по моим глазам уже понял, что тему лучше не педалировать. Но потом, правда, ближе ко дну бутылки, выдал свой секрет. Представляешь, как оказалось, он все портреты не с живых людей пишет и даже не из головы выдумывает. Наш модернист ходит по блошиным рынкам и скупает там приглянувшиеся старые фотографии на развалах. Потом на проекторе их прямо на холст высвечивает и аккуратно обрисовывает. Вот лучше, Сис, я бы это и не знал. Это как зайти случайно на кухню в любимом китайском ресторане. Ну, да не в этом дело... Так вот, смотрю – несёт он мне какую-то фотографию. Видно, что старая, даже на картонке твёрдой – знаешь, такие раньше делали кабинетные снимки, – а на фотографии наша дама с портрета. Конечно, на фоне какой-то обычной студийной комнаты. Отдам ему должное – нарисовал, точнее, обрисовал он её гениально: и руки, и костюм, и, конечно, глаза – в точности всё передал. То, что раскрасил и планету пририсовал, так это он так своё творческое начало проявил. Но цвет я бы и сам

такой выбрал. Тут мы бы с ним совпали. А теперь главное. Повертел я карточку, и знаешь, что обнаружил? Сидишь? Что снята она в мастерской на Широкой улице в Праге! Слышишь? В Праге! И год там написан – 1940-й.

В гостинице я уже более подробно всё рассмотрел. Да, забыл сказать – отдал он мне эту фотографию, хоть я и не просил. С лупой я узнал много нового, обожаю рассматривать детали, ты же знаешь. Ну, во-первых, адрес – Широкая, 25. Во-вторых, чернилами в правом углу были какие-то цифры и буквы, и, в-третьих, главное – дама с фотографии, слава богу, на меня уже не смотрела. Точнее, чтоб не вызывать у тебя беспокойство за мои когнитивные способности, она за мной уже не наблюдала. Сис, не переживай, я всё ещё нормальный. Я вообще в дальнейшем просто посчитал это наваждением, если бы не... Терпи и слушай дальше.

Знаешь, Сис, куда я наведалься по приезду в Прагу? Спрашиваю и сам отвечаю – пошёл искать фотоателье на Широкой. Ну, скажи, я нормальный? Там, конечно, его уже нет. Это так, для ориентировки на местности. По этому адресу находился только милый бутик со всякими дизайнерскими побрякушками и рыжая девушка в таком длинном, как туника, балахоне в качестве продавца. Этот тип инопланетянок тебе должен быть знаком – с косичкой на одну сторону, выдающимися оттопыренными ушками и пирсингом в носу. Она была со мной сама любезность. Уверен, я ей сразу приглянулся – мы же с тобой красавцы, дорогая моя копия,

но особенно я, конечно. Это чудо дало мне телефон владельца дома. А-а-а, я слышу, у тебя вопрос – зачем мне это было нужно? Вот клянусь, Сис, не знаю, не знаю, зачем.

Хозяин дома – вот сейчас тебе нужно начать сильно удивляться всем совпадениям! – был сыном того самого человека, который держал в этом доме фотоателье. Обожаю Прагу за её вековые устои. Мы договорились о встрече, причём он любезно позвал меня сразу к себе в дом, услышав о самой фотографии.

Так вот, наш пан Щастный оказался ярким фанатом... э-э-э, не то слово... почитателем своего отца. Весь дом был увешан фотографиями, сделанными в бывшем семейном салоне. Как он гордо заявил, собиралось это всю его жизнь, а ему, поверь, уже далеко за семьдесят. Некоторые работы он даже сам допечатал с негативов, оставшихся после смерти отца. Знаешь, есть такие люди, которые живут всю жизнь не своей жизнью. Вот он как раз тот самый. Отвлекусь буквально на минутку. Сис, я знаю, как ты любишь своих бандитов, но вот совсем не хотел, чтобы ты превратилась на старости лет в нечто подобное. Я, может, и сам когда-нибудь стану отцом, и буду тогда терпимее, но, пока я почти в трезвом уме и при памяти, заклинаю – вспомни о себе, вспомни, что ты подающая мне надежды писательница, а не нянька без амбиций. Тем более у тебя такая возможность скоро будет, я тебе обещаю, правда, если ты всё дослушаешь до конца.

Так вот, как оказалось, этот милый дедушка, который,

к слову, всю дорогу сокрушался, что его сын и внуки не ценят труд всей его жизни, хранил и весь архив, и, заметь, даже бухгалтерию своего предка. Вот зачем это, скажи? Все эти квитанции и прочую ерунду. Но в данном случае я-то, конечно, рад. Не скажу, что прямо сразу нашёл квитанцию к нашей даме, и ушло на это: один кофейник, две рюмки домашней сливовицы и полпачки сигарет. Прикинула, Сис, как я старался? Спасибо старшему Щастному – каждая фотография была под номером, а 1940-й оказался объяснимо не так богат на клиентов. Уже в майской папочке я обнаружил то, что искал.

Дорогая моя Сис, я пойду «попудрю носик» перед полуфинальным аккордом моего поиска и буду, как любой плохой писатель, оттягивать кульминацию до эпилога. Хотя для тебя это – жух, жух! – пара секунд, но я всё равно пойду подготавлиюсь.

Вернулся. Сядь лучше. Так вот, квитанция. Знаешь, какой там был указан адрес? Выдерживаю паузу... Длоуга, 16. Думаешь, совпадение? Ничего подобного. Там была ещё и фамилия. Читаю по буквам, хотя ты, наверное, уже догадалась – Ф... Р... И – Фриш Сара... Я помолчу... И, как пишут в плохих редактируемых тобой романах, герой впервые понял, что это его бабушка.

Сис, ты догадываешься, какое у меня было состояние? Наверное, такое у тебя сейчас. На этом можно было бы закончить, и я бы уже давно обнимал тебя в Праге, мы бы вспо-

минали маму, не дожившую совсем немного до такой удивительной находки. Но я наговариваю эту запись в Берне, и ты уже догадалась, что у всей этой истории есть ещё и продолжение. Ага, прямиком из Швейцарии. Забыл сказать про папа Щастного – он так расчувствовался из-за того, что женщина с фотографии оказалась нашей бабушкой, что расплакался. Потом ещё поплакал, когда узнал о Терезине. Мы даже с ним обнялись, и у меня осталось такое чувство, что это не я в его доме обрёл наше прошлое, а он почтил память своего отца. Прости за пафос, но тут он уместен.

Ты уже оценила уровень моего терпения? А ведь я тебе мог это выложить сразу и оптом, посмотри, сколько я держался молодцом. Но ты же писатель, ты же знаешь, как строить композицию по динамике. Вот и я постарался для тебя. Думал, лично всё покажу и расскажу.

А теперь едем со мной в Берн. Слышу, как ты спрашиваешь: почему Берн? Рассказываю по порядку. Помнишь, я говорил, что на фотокарточке были цифры на обратной стороне? Аккуратный такой ряд длинных цифр. Дело было вечером, смеркалось, скучалось, и я решил просто понять, что они, собственно, могут значить. Номер на фотографии, по которой я и нашёл квитанцию, был записан явно другой рукой, а эти цифры даже отличались цветом. Но, как говорится, «Гугл» нам в помощь.

Искал я долго, признаюсь. Сама комбинация не нашлась, да я и не ожидал. Меня спасло то, что цифры были разби-

ты на группы – пять групп по четыре цифры и две буквы на конце. И ты никогда не догадаешься, где я нашёл ответ. В одном детективном романе. Причём я искал не сами цифры, а способ возможного кодирования. Не буду тебя томить. В романе таким образом чёрным по белому был описан код банковской ячейки швейцарского банка. Две буквы означали код банка.

UBS со мной отказались болтать по телефону. Что мне оставалось делать? Как ты думаешь? И я поехал к «швейцарам», надеясь вернуться как раз к твоему прилёту. Дорога была быстрой – уже вечером я был в Цюрихе. Утром после отеля – прямиком в одно из их местных отделений.

Будешь удивлена, но, посмотрев на номер и поискав что-то на компьютере, они молча меня перенаправили в Берн. Полтора часа быстрым аллюром по автостраде – и я уже скрёбся у дверей их столичного офиса. Клерк, который специально вышел в клиентскую зону, попросил у меня документы и номер. Через минут десять, когда я уже думал звонить снова, он вернулся и позвал за собой. В комнате без окон он вернул мне документы и вежливо попросил снова подождать. Я подождал, потом ещё подождал и ещё самую малость подождал. Когда ждать надоело, я поприседал. За этим меня и застал другой клерк с папочкой. Он спросил, есть ли у меня ключ. Я честно сказал, что нет. И тогда он спросил, принёс ли я фотографию. Ага, так и спросил: «Do you have the picture, sir?» Именно так, с определённым ар-

тиклем «the». Я достал бабушкину фотографию и положил на стол. Знаешь, что он сделал в ответ? Вытянул из папки точно такую и положил рядом! На столе лежали две бабушкины фотографии. Знаешь, оказывается, у меня могут дрожать руки.

Он сказал, что этого достаточно, и ушёл, попросив несколько минут. Оцени, Сис, теперь степень моего напряжения, пока я ждал. Ты можешь представить, что должен чувствовать человек в такой ситуации? Я в кино видел пару подобных сцен, но там герои были как роботы – без нервов, а я не такой, я экзальтированный тип, у меня тряслись даже коленки. Долго они меня не мучили – в комнате снова появился уже знакомый клерк. Правда, в этот раз он был в белых перчатках. В руках он аккуратно держал блестящий металлический сейф, или как это вообще называется. Он так же бережно положил его на стол и повернул ключ в замке. Затем сказал, что будет ждать моего сигнала, и, указав на кнопку на стене, быстро ушёл.

Вот, Сис, таким образом я и остался один на один с тайнами нашей семьи. Все эти подслушанные нами мамины разговоры на кухне, намёки соседа на исчезнувшее богатство именно в этот момент могли или развеяться в прах, или обрести внезапно плотью. И тогда я пожалел, что тебя нет рядом. Ты-то, конечно, не мешкала бы и смело открыла ящик. А я несколько минут не мог поднять крышку. Всё ходил вокруг и ходил, осознавая и даже, скажу больше, физически

ощущая, как материализуется порог между двумя реально-
стями – одной с названием «до» и другой «после».

Не буду тебя томить больше, и так сколько выдержала, бедненькая. В ящике были бумаги, фотографии и коробочка. Всё было аккуратно разложено по папкам – кто-то готовил содержимое основательно и без спешки. Я просмотрел вначале бумаги. Письма, какие-то документы на разных языках – чешском, немецком и английском; сертификаты и справки. Один документ со звездой Давида на титуле был на английском... Делаю тут сознательную паузу.

Сис, мы оба слышали о пропавшей земле, купленной нашим прадедом в Палестине. Не мучься догадками, это был он – пропавший документ, подтверждающий право владения. Так что отныне мы с тобою, как единственные наследники прадеда, становимся землевладельцами трёх гектаров земли обетованной. Очень надеюсь, что там уже не пустыня. Ты рада? Не слышу!

Фотографии и остальное я быстро пролистал – незнакомые совсем люди, пара других снимков бабушки, возможно, её братьев и, видимо, прадеда. Но в одной из папок я наткнулся ещё на один сертификат из плотной бумаги с водяными знаками и тиснением, на английском. Заголовок гласил – «DIAMOND CERTIFICATE». В графе «WEIGHT» значилось 41,5 СТ. Насколько я понял, бумага подтверждала подлинность какого-то гигантского, по-моему, бриллианта размером с целого мышонка.

А давай снова сделаем перерыв? Я пойду опять перекурю на балкон, в номере тут курить строго-настрого, датчики какие-то кругом, заодно и подумаю, как тебе выложить всё, чтобы ты сошла с ума не сразу, а хотя бы постепенно.

И вот как я придумал сказать: дорогая моя сестра и вообще, как писал какой-то классик, свет моих очей, теперь ты никогда не будешь думать о хлебе насущном, и тут пафос как нельзя опять кстати, не будешь больше считать деньги до следующей зарплаты твоего Гонзы-охламона. Теперь ты свободна, ты можешь жить и творить, как захочешь и где захочешь! В коробочке, которую я в начале осмотра небрежно оставил на потом, грешным делом подумав о какой-то награде, лежал он – тот самый наш Голубой Майзл... Всё. Сказал... Ты села? Ты не упала? Потому как я чуть не упал вместе с камнем, держа его в потных руках и постепенно проникаясь происходящим со мной. Мы с тобой отныне БОГА-ТЫ. Знаешь, что это значит? Мы, например, сможем выкупить наш семейный дом у этих русских снобов. И переехать туда жить – туда, где родился наш прадед, наша бабушка и даже подгадавшая с рождением до его продажи мама. Сис, ты представляешь, мы вернём своё родовое гнездышко – и для твоих детей, и, надеюсь, для будущих моих. Ну? Ты рада?

Всё, пожалуй, на этом я и закончу – устал. Столько эмоций я не переживал даже во время своей пуберты. Я забрал Майзл с собой в гостиницу, хочу его подержать, почувство-

вать его, ведь к нему прикасались и наш прадед, и бабушка. Завтра я его снова верну в банк. Они пообещали мне дать ключ и записали тебя в качестве второго лица для доступа. На всякий случай, тук-тук, перешлю сейчас тебе следующим письмом фотографию бабушки и все банковские документы. А пока только саму эту запись – лови и слушай. Целую, Сис. До встречи в Праге. Всё, пока, пока...

Эта диктофонная запись была сохранена в текстовом формате и переведена на немецкий язык с языка чешского судебной переводчицей Магдалиной Глицер по просьбе криминальной полиции кантона Берн и отдела по расследованию особо опасных преступлений города Берна.

Нью-Йорк. Дрезден

Разрешите представиться. Я – молодое дрезденское кафе. После своего рождения я неприлично долго оставалось безымянным. Но когда нерешительность моего хозяина – господина Юлиуса Петтермана – стала вызывать вопросы у посетителей, очень, очень к месту вышел новый фильм Алана Паркера, и у меня наконец-то появилось достойное имя – Эвита. Мне не пришлось привыкать к нему долго, и я очень быстро стала думать о себе исключительно как о женщине. Для нас, кафе, это важно. Я знаю тут неподалеку парочку местных забегаловок с какими-то странными унисекс-названиями. Представьте себе, они так и не смогли определиться со своим родом. Скажу вам откровенно: для приличного немецкого заведения это просто беда. Мало того, что клиенты чувствуют себя в них не очень уютно, так они ещё и едят там без особого удовольствия.

Мой хозяин меня очень любит. Взять хотя бы дорогого итальянского повара, с которым он меня недавно познакомил. Без всякого смущения скажу – о нашем с Алессандро головокружительном романе писали все местные блогеры! А сколько жарких и бессонных ночей мы провели, составляя новое меню! Все наши завсегдатаи были в полном восторге от наших необычных блюд. Взять хотя бы ризотто из риса Арборио с трюфелями, приготовленными на слив-

ках и вине Нобиле ди Монтепульчано. Это ризотто в обязательном порядке посыпается перед подачей исключительно сыром Пармиджано Реджано. Наш главный дрезденский дегустатор господин Розенберг, попробовав его, буквально облизал пальцы на презентации.

После встречи с Алессандро я начала больше присматриваться к нашим посетителям и даже иногда подслушивать их разговоры. Да что там, буду с вами честной – это теперь моё самое любимое занятие. В трудные времена недавнего кризиса, когда люди к нам заходили очень редко, мне было так грустно и одиноко, что я совсем захандрила и перестала приносить прибыль. Хозяин даже серьёзно опасался, выживу ли я. Но спасли нас, вы даже не поверите, студенты ближайшего университета. Мы с хозяином решили дать им скидку на завтраки и даже разрешили играть на гитарах по вечерам. А единственное дерево прямо по центру моего дворика один очень талантливый паренёк придумал украсить цветными лентами с витиеватым японским узором и необычными фонариками в виде цветов сакуры. Получился очень забавный арт-объект. Фотографии с ним неожиданно разошлись по всему миру, а мы с хозяином попали в список десяти лучших кафе Саксонии. Паренёк прославился и заработал от меня небольшое вознаграждение в виде романтического ужина на двоих. Вот только наша Липа настолько загордилась, что даже перестала со мной общаться. Ну, глупое дерево, что с него возьмёшь.

А сейчас у меня двадцать пять столиков внутри и ещё пятьдесят три снаружи во дворе. Кризис давно позади, и на вечер к нам уже принято записываться заранее. Теперь хозяин очень мной доволен. Он даже разрешил иногда отдыхать по понедельникам. Сначала мне даже нравилась эта праздность и пустота во мне, но потом это быстро надоело, ведь я так люблю слушать, о чём говорят люди за моими столиками.

Иногда с остальными кафе и ресторанами города мы устраиваем ночные посиделки для своих. Тогда кто-то обменивается услышанным за столиками, а кто-то рассказывает о том, как было раньше. Конечно, такие солидные старые заведения, как кондитерская *Kreutzkamm*, редко делятся рассказами с нами, молодыми болтушками. Но старушкам-то по сто, а то и по двести лет, ну, что с них возьмёшь? Правда, иногда и они рады послушать истории из жизни наших гостей.

Вот как раз на нашей последней встрече и я стала гвоздём программы. А рассказала я о подслушанном на прошлой неделе разговоре двух гостей. Все, и даже наш сноб *Genuss-Atelier*, вынуждены были признать, что ничего подобного не слышали, а звезда прошлого сезона моя соседка *Lila Sosse*, которая несколько раз безуспешно пыталась отбить у меня *Алессандро*, и та сказала: «*Es ist unmöglich!*»³. Давайте я и вам расскажу, как было дело.

³ Это невозможно (нем.).

Я была в послеобеденной дрёме – зал был пуст, Алессандро после полуденной беготни прикорнул на стуле, официанты курили в подсобке, и только пара посетителей допивала на уличных столиках свой кофе. Хозяин поехал закупать продукты, и я позволила себе расслабиться – погреться на ещё тёплом сентябрьском солнце. Обожаю это неспешное время, когда даже мухи, с которыми бывает сложно договориться, особенно во время званых обедов, вяло спят, наплевав на упавшие крошки.

Краем глаза я заметила подошедшего невысокого мужчину немногим за шестьдесят. Он старательно выбирал место среди уличных столиков. Окинула его одежду взглядом, и мне сразу стало понятно – не местный. Ну, где вы в Дрездене сможете увидеть туземцев в канотье? Лённые, слегка мятые свободные брюки, сандалии, поношенная, как и брюки, куртка, рукава засучены до локтя – человек явно выпадал из стиля одежды местных пожилых бюргеров. В конце концов он выбрал самый удалённый столик, за которой я обычно усаживаю влюблённые парочки. Незнакомец положил рядом на стул свою шляпу, и я заметила, что, кроме небритости, он ещё и плохо подстрижен. Но какие у него были неприлично большие баки! У нас такие никто не носит со времён, наверное, Вильгельма Второго, что, кстати, любезно и подтвердил во время моего рассказа старейший наш ресторан Daniel.

Признаюсь, иногда для правильности оценки я принимаю к своим посетителям. Этаким мазок, всегда заверша-

ющий портрет. И хотя я уже была уверена в размере его кошелька, а это важно, чтобы не сплеховать с предложением еды и вина, тут меня поджидал сюрприз – визитёр воспользовался безумно дорогим одеколоном. Если я не ошибаюсь, а я ошибаюсь редко, это был Ambre Tokari. Один раз я имела честь принимать у себя Вольфганга Герстнера, мэра земли Баден-Баден (я специально это тогда рассказала, чтобы позлить Lila Sosse), так вот, он впервые позволил мне насладиться этим гастрономическим великолепием. Для меня набор из бергамота, кардамона, корицы, имбиря и мускатного ореха с грейпфрутом, скорее, изысканное блюдо, чем просто парфюм... Что-то я болтаю не по делу...

Такой диссонанс между внешним видом и дорогим запахом не мог меня оставить равнодушной. Я позвала из подсобки Рудольфа, будучи уверенной, что именно он сможет обслужить гостя: Рудольф совсем не любопытен, но при этом внимателен – редкое сочетание качеств для услуги. От винного списка гость отказался, причём сразу стало ясно, что он не понимает по-немецки. Для меня это не проблема, я выучила большинство языков уже в первые годы своей работы с туристами. Рудольф же с несколькими годами Лондона за плечами может договориться даже на китайском и испанском. Кстати, хозяин зовёт его просто Руди, хотя я предпочитаю не быть накоротке с официантами.

У посетителя было немного дряблое лицо с болезненными отёками под глазами и множеством пигментных пятен

на явно проступающей плечи. Из ушей и носа торчали седые волоски. И хотя было не жарко, он изредка обмахивался шляпой. Он заказал «какое-нибудь хорошее, не пшеничное» пиво и сказал, что ждёт приятеля – еду закажет попозже. Его английский был очевидно не родным, но весьма уверенным. Он не подбирал слов, строил предложения правильно, но говорил с явным славянским акцентом. Сидящий достал из кармана куртки старый, ещё кнопочный мобильный телефон, положил его рядом на столе и бросил взгляд на наручные часы. Я тем временем посоветовала Руди принести Pilsener.

Кстати, о часах. Раньше я чуть ли не в первую очередь обращала внимание на этот важный атрибут посетителя. Раньше – до «мобильной» эры, а я ещё застала это время, часы мне сразу говорили об уровне. Теперь всё резко поменялось. Даже богатые бургеры и тем более европейские бизнесмены предпочитают механическим Maurice Lacroix электронные часы со множеством функций. А у нашего гостя оказался Jaguar, и не какая-нибудь подделка, а золотой с черным циферблатом швейцарский оригинал тысяч за пятнадцать евро, не меньше. Я и в этом научилась разбираться. Не бог весть какая цена, конечно. Швайнштайгер, хвастаюсь, он у нас тоже бывал (вы бы слышали, как вздохнула в этот момент Lila Sosse), носит, к примеру, Cartier за полмиллиона евро. Разница есть, но для людей подобного вида это всё равно совсем не характерная деталь.

Ладно, хватит мне считать чужие деньги. Минут через десять ко мне зашёл другой гость, почти старик, но подтянутый, в джинсах, в клетчатой рубашке и летней бейсболке. И хотя раньше он к нам не заходил, а я помню всех моих гостей, я сразу признала в нём местного, хотя и не немца. Он огляделся и сразу направился к нашему посетителю. Они обнялись. Так обнимаются только родственники. Без похлопываний друг друга и поцелуев. Да они и выглядели похоже – оба сутулые, оба одного роста, оба с поредевшими когда-то густыми чёрными волосами. Братья, сразу подумала я, и давно не видались, судя по всему.

Руди расторопно завладел вниманием нового клиента. Тот отказался от предложенного меню и попросил пиво Gose на свободном немецком. Акцент я, конечно, уловила, но едва различимый, с некоторыми характерными только для славянских языков твёрдыми согласными. Старый эмигрант, без сомнения. Не столь успешный, судя по одежде, но устоявшийся в немецкой среде.

Когда Руди ушёл, я стала внимательно следить за разговором этих двух гостей.

– Твою-то маму, Ося! – сказал тот, что выглядел постарше. – Ты нас сильно напугал! Шо за странные звонки, и почему ты не имел приехать прямо к нам домой? Зисла пила целую ночь валерьянку за твоё здоровье. Ты повёл себя некрасиво.

Он сказал это по-русски. А я знаю и этот язык. Местные

эмигранты быстро научили меня этому так богатому на ругательства языку.

– Дядя Арик, – ответил названный Осей старик, – когда ты слушаешь меня, то скажешь спасибо, что я не приехал на хауз⁴ прямо к тебе и не спикал⁵ в трубку за все дела.

Вот это да, подумала я, «дядя». Почти ровесники – и «дядя». Руди принёс бутылку Gose и налил аккуратно пиво в бокал, умело сохраняя при этом всё богатство пены. Я научила!

– Хорошо, Ося. Я догадался, шо ты не будешь просто так лететь сюда со своих Штатов для поговорить со мной за какую-нибудь ерунду. Рассказывай, племянничек, о своих местных гешефтах, Зисла потерпит. Правда, через это потом будет есть мне плешь, что не взял её с собой. Но ты же просил!

– Арик, мы что, не будем кушать? Я ждал тебя, чтобы разобраться в этом вашем «ессене»⁶. Я не кушал нормально последние три дня, – он открыл меню и улыбнулся. – В этой сраной Албании нет человеческого питания.

– — Ося... я правильно тебя понял? – после секундной паузы спросил Арон. – Лёва?

Иосиф молчал, пауза тянулась.

– Ося, смотри мне до окуляров и не томи мою нервную душу. Лёва в порядке?

⁴ Дом (англ.).

⁵ Говорить (англ. искаж.).

⁶ Еда (нем.),

– Арик, наш Лёва уже в Швейцарии, – ответил Иосиф, и по его глазам стало понятно, что сюда он приехал сказать лишь только это простое предложение: «Наш Лёва в Швейцарии».

Мне стало ещё интереснее, но Иосиф подозвал Руди и, указав пальцем на Арона, попросил выбрать в меню что-то достойное и не жлобиться с ценой, однако не слишком жирное – печень совсем замучила, но и не слишком диетическое, а то совесть опять волю возьмёт. Остановились: Арон на Fischsuppe alla Alessio⁷, а Иосиф – на ягнятине в грибном соусе.

– И постой, – подозвал по-английски Иосиф уже уходившего Рудольфа, – принеси нам лучшего вина, что у вас завалялось. И только немецкого! Предпочитаю пить вино той страны, в которой нахожусь. На твоё усмотрение. Спасибо.

Я прошептала в ухо Руди: «В правом нижнем углу стоит Dönnhoff 2006 года». Руди, в отличие от многих, меня прекрасно слышит и никогда не сомневается в моих советах.

– Ося, мать твою – сестру мою, почему ты мне, такой говнюк, не сказал это сразу по «хэнди»?! Зисла от такой новости уже пекла бы шарлотку на позвать всех.

– Ой, тебе, Арик, я принёс сюда это прямо в руках, как птичка в клювике. Ты первый, кто вообще об этом узнал, не считая, конечно, моей Раи, – Иосиф достал пачку сигарет и огляделся в поисках пепельницы. Я позвала Руди.

⁷ Рыбный суп (нем.).

– Всё случилось буквально вчера, и Лёва сначала коллапс⁸ мне прямо из тюрьмы, а потом из флайта⁹ на Цюрих.

– Ты хочешь мне сказать, Ося, что Лёвушка совсем свободен, а не сбежал, как тот Монтекристо? – Арон выглядел искренне удивлённым. Видимо, эта новость совсем не укладывалась у него в голове.

– Или! – ответил Иосиф и сытно улыбнулся, как обычно улыбается господин Розенберг, когда я потчую его лучшими своими жульенами.

– Ося, шо-та я сильно сомневаюсь в албанском правосудии. Значит ли это, шо ты таки нашёл, кому и что донести в своём широком кармане? – Арон уселся поудобнее.

– Скажу тебе: «кому» – это не было большим траблом¹⁰. Албания, сам знаешь, страна неограниченных потребностей, – Иосиф докурил и завинтил бычок в пепельницу. – А вот от озвученной два года назад суммы я чуть не получил хардатак¹¹.

– И сколько они имели хотеть от тебя?

– Дядя, я тогда спешели¹² тебе не говорил, я знал, что вы с Зислой захотите продать ваш флэт¹³ в ваших родных до бо-

⁸ Звонить (англ. искаж.).

⁹ Рейс (англ.).

¹⁰ Проблема (англ. искаж.).

¹¹ Инфаркт (англ.).

¹² Специально (англ.).

¹³ Квартира (англ.).

ли пенатах у моря.

– Ося, как ты говоришь, «флэт» уже год как продан, и я готов был бы поучаствовать в этом благородном деле своей долей. Но озвучь хотя бы аппетит этих поцев.

Руди подошёл к ним, неся на подносе вино и два бокала. Показав этикетку и рассказав, как я его учила, без лишних слов о вине, он спросил, кто будет пробовать. Иосиф указал подбородком на Арона. А тот просто махнул рукой – разливай! И, хотя я люблю все эти винные ритуалы – вдыхание аромата, перекатывание на языке, первый долгий глоток и последующее прислушивание к послевкусию, – мне так не терпелось дослушать всё до конца, что я даже не обратила внимание на этот моветон.

Пока Руди разливал вино, Иосиф взял салфетку со стола и, написав на ней какие-то цифры, протянул её Арону. Тот громко присвистнул. Я тоже посмотрела. Там было написано – \$900 000. Ну, много, конечно, но я, например, стою гораздо дороже, а я себе цену знаю.

В зал зашли несколько гостей. Это были редкие для того времени суток туристы, они были шумны и долго выбирали себе столик. Мне буквально на пару секунд пришлось отвлечься от Иосифа и Арона, пока я гнала из подсобки Клару, которая успела уже заснуть в ожидании посетителей. Возможно, я что-то пропустила за нашим столиком.

Когда я вернулась, Арон чему-то смеялся.

– Ты так им и сказал слово в слово – *«Куш а бэр унтэрн*

фартэх унд зай гезунд»¹⁴?! – видно было, что проговаривание самого выражения доставляет ему невероятное удовольствие. – Как ты это помнишь? У местных, кстати, тоже есть подобное выражение: «*Leck mich im Arsch*»¹⁵. И шо, албанцы таки оценили красоту твоего послания?

– А то! – тоже засмеялся Иосиф, – Я, кстати, до сих пор благодарен твоей маме за нужные слова, иногда они более точные, чем русский мат. Но смех смехом, а я вернулся тогда в Штаты как последний шлемазл – ни с чем. Как ты понимаешь, таких мони¹⁶ у меня не было. Даже если бы я продал тогда свою мастерскую и попросил тебя за твою трехбедренную¹⁷ квартиру в Аркадии.

– Это да! – Арон покачал согласно головой. – Но мне не терпится услышать, как же ты, старый гешефтмахер, всё сумел повернуть!

И мне не терпелось, но Руди, так и не дождавшись моей отмашки, уже нёс поднос с тарелками. Гости занялись едой, а выглядела она очень симпатично – Алессандро, которого я нежно поцеловала перед заказом прямо в макушку, постарался на славу. А я тем временем наведалься к столику, где Клара принимала заказ от испанцев, и от души посмеялась над тем, как она то мычала, изображая говядину, то бляяла,

¹⁴ Дословно – поцелуй медведя под фартуком (идиш).

¹⁵ Лизни мой зад (нем.).

¹⁶ Деньги (англ. искаж.).

¹⁷ Трехкомнатная (англ. искаж.).

изображая баранину. У Клары такие вещи получаются замечательно, просто актриса на детском утреннике. Все смеялись, и даже я засмотрелась на её кривляние.

– Как ты можешь есть эту гадость – этих шримпс? – услышала я, как спрашивает Иосиф у Арона, когда вернулась к их столику.

– Ося, креветки – это не гадость, – засмеялся Арон. – Это, Ося, пища богов.

– Арик, это не наши боги, это гойские боги. И это не пища, а... – он так сморщил лицо, что даже я почувствовала отвращение к креветкам. – Пастридж, как это будет по-русски... э-э-э... подножный корм! М-м-м, вот ягнёнок – это что-то! Хочешь, дам пис¹⁸? Не забудь потом передать повару мой респект.

Я мысленно повторно поцеловала Алессандро в макушку.

– Как говорила моя мама – твоя бабушка, «живешь с воронами – каркай как они».

– Смотри, дядька, докаркаешься до того, что когда-нибудь в синагоге не пройдешь фейсконтроль, – запивая ягнёнка вином, съязвил Иосиф.

Руди расторопно отнёс пустые тарелки, и оба гостя с бокалами в руках вытянули ноги под столом.

– Я одно большое ухо, – Арон, несмотря на лёгкое опьянение, внимательно слушал племянника. – А судя по твоим горящим глазам, ты имеешь, что рассказать. Одно надеюсь –

¹⁸ Кусок (англ.).

меня потом не привлекут за недоносительство. Давай, выкладывай, как тебе всё удалось.

– Арик, это был перст судьбы. Я уже смирился, что Лёва отсидит хотя бы половину срока из двадцати пяти впамятных. Но даже двенадцать лет... Ты же знаешь, как я хочу внуков. Ты не поверишь, дядя, пару раз я даже молился! Правда, как-то неправильно, проклинал тех гоев, что подставили моего Лёву с драгам¹⁹, – Иосиф выпил глоток вина и почмокал языком. – Хорошая флейва²⁰ для северной страны. Достойно. Так вот, ты же знаешь, в мою мастерскую кого только не занесёт. То селеры²¹ с товаром, то переделать что-то нужно срочно. Без дела не сижу. Ринги²² сделать, брошки спаять, камешки огранить. Голдсмис²³ – это у нас в Бронксе очень джастифайбл²⁴ человек.

– Голдсмис – это ювелир? – поднял бровь Арон.

– Да. И вот однажды заходит в мастерскую какой-то неместный, не поверишь – с виду чистый албанец. Спрашивает меня, говорит, что хочет со мной серьёзно поспикать²⁵. Ссылается на одного знакомого, жене которого я пару лет

¹⁹ Наркотики (англ. искаж.).

²⁰ Аромат (англ. искаж.).

²¹ Продавцы (англ. искаж.).

²² Перстень (англ. искаж.).

²³ Ювелир (англ.).

²⁴ Уважаемый (англ.).

²⁵ Поговорить (англ. искаж.).

назад крупный брильянт на место вставил. Не жене, конечно, а в её ведингринг²⁶. Мы идём ко мне в кабинет. Садимся, наливаю ему виски. Спрашиваю, за что будем говорить? И он достаёт из кармана мешочек, а из него... Слышаешь внимательно? – Арон коротко кивнул. – Выпадает голубой даймонд²⁷ каратов на сорок. И я уже невооружённым глазом вижу – настоящий. Ты понимаешь, что значит сорок каратов?

– Нет, – Арон помотал головой. – Это много?

– Ну ты поц, дядя. Это же очень далеко за полтора миллиона!

– Ваших денег? – удивился Арон.

– Или! Но это не главное. Я узнал этот алмаз по огранке Тала Пера и цвету! Это был блу²⁸ Майзл. Такие камни все наперечёт, и этот пропал ещё до Второй мировой, и никто о нём ничего не знал. По крайней мере, ещё недавно не знал!

– Ося, ты спросил, откуда у албанца такой известный камушек?

– Арик, посмотри на меня, я что, похож на идиота? Такие вещи спрашивают только суицидеры²⁹, – ухмыльнулся он. – Так вот, ты не представляешь, как захолонуло у меня сердце, прямо как когда Лёве приговор выносили. Бог привёл ко мне

²⁶ Обручальное кольцо (англ.).

²⁷ Бриллиант (англ.).

²⁸ Голубой (англ.).

²⁹ Самоубийца (англ. искаж.).

шанс.

– Ося, ты меня пугаешь, ты что, грохнул этого албанца? – Арон заёрзал на стуле.

– God be with you³⁰, Арик! Он сам кого хочешь может грохнуть, ты бы видел его. А я, как говорила твоя мама, и курицу не чикну.

– Тогда как? – Арон выглядел потерянным.

– Дослушай дальше, Арик, – Иосиф снова закурил, а я погнала Руди менять пепельницу. – Знаешь, что этот гой хотел из-под меня? Он хотел точную копию Майзла!

– Ха, – засмеялся Арон. – Так он тебе его просто оставил?

– Держи покет³¹ шире, дядя. Этот албанец не был ни на унцию идиотом. Он дал мне измерить камешек и сфотографировать его. И спросил сроки и прайс³².

Они немного помолчали. Руди пришёл с чистой пепельницей и разлил остатки вина по бокалам. Гости выпили, чокнувшись, «за Лёву!».

– Ося, тогда я не могу опять понять – как? Так ты сделал копию?

– Да, Арик, сделал. Он пришёл через неделю вместе с Майзлом для сравнить и был доволен. Заплатил, забрал, и больше я его никогда не видел.

– Осик, я прямо весь удивлён, – Арон даже застучал паль-

³⁰ Бог с тобой (англ.).

³¹ Карман (англ.).

³² Цена (англ.).

цами по столу в нетерпении. – Я был о тебе лучшего мнения, а сейчас моё мнение о тебе совсем у неба. Рассказывай, старый плут, что ты там придумал. По глазам вижу – это был какой-то один из фокусов, которые ты так обожал в детстве.

– Перед тем как отдать копию, я попросил сделать фото. Ну, и саму копию для посмотреть при увеличении на мониторе, если всё удачно вышло. У меня для этого есть такой специальный бокс из чёрного бархата. – Иосиф хитро улыбался.

– И?

– И всё, тэйкнул³³ фото и отдал оба камушка.

– Ося, я тебе сейчас ухо откушу, если будешь меня так мучить.

– А ты не догадался? Нет? – Иосиф довольно засмеялся. – Я сделал две копии! В боксе была потайная падающая полочка, которая была связана со вспышкой камеры, и пока твой албанец моргал после вспышки, – упс! – полочка накрыла Майзл, а другая копия улеглась на его место.

– Тебе говорили, Ося, что ты гений?!

– Нет, но я готов послушать! – он выглядел очень довольным и смеялся так, что кудахтал.

Пока я с удивлением слушала подробности рассказа, я не заметила, как недалеко во дворике за одним из столиков оказался невысокий, плотный, полностью лысый мужчина в летнем белом костюме. Он был явно неместным, и Клара

³³ Сфотографировать (англ. искаж.).

успела налить ему пиво, причём безалкогольное. Перед ним лежали сигареты и смартфон. Я сама себе удивилась, как я могла так потерять бдительность, что упустила из виду нового посетителя! Но Клара – молодец, без всяких нащёптываний быстро разобралась. Вот только про пепельницу забыла. Ну, ничего, я ей быстро напомнила. Когда статус-кво был восстановлен, я вернулась к нашему столику.

– ...три дня я продал всё дело через агента, собрал вещи в контейнер и отправил байси³⁴ в Европу до Роттердама на предъявителя. Сам понимаешь, времени у меня было мало. Имею тебе сказать, что это было очень фазли³⁵, но Рая всё поняла и, когда я сказал про Лёву, даже не задавала вопросы.

– Теперь понятно, почему ты сбрил бороду.

– Знаешь, дядя, лучше еврей без бороды, чем борода без еврея, – Иосиф опять захихикал.

– Это таки да. Этот поц вскорости бы обязательно вернулся. Почему ты сразу не звонил нам?

– Арик, я ждал. И вчера дождался. Я залез на один сайт и прочитал небольшую заметочку, что кто-то неудачно подавился камешком, причём так сильно, что совсем не захотел больше дышать. И я тебе тогда коллапил³⁶. Но пока я должен быть очень, очень сайлент³⁷. Поэтому вот тут в этом уютном

³⁴ По морю (англ.).

³⁵ Спешно (англ.).

³⁶ Звонить по телефону (англ. искаж.).

³⁷ Молчаливый (англ.).

кафе я тебе себя покажу, и пару месяцев ты не будешь иметь больше такого счастья.

– Я понял, Ося. Я подожду. Так ты будешь теперь здесь?

– Ещё как здесь, Арик! Я поеду к Лёве. Там дом в горах. Он очухается и снова ползет в свои океаны. Да и ладно, будем ждать его с Раей уже там. Я позвоню вам, как почувствую, что это стало посибл³⁸. И ещё, дядя, – он достал из кармана пухлый конверт и огляделся, – возьми вот это. Тут немного – сто тысяч. Вам с Зислой – на немного отдохнуть от всего. Спасибо тебе, что тут Лёву одного не оставили, за посылки и передачи и всё такое... – он смахнул слезу у глаза.

– Ося, ну зачем... – возник неловкий, с моей точки зрения, момент, когда конверт передавался из рук в руки. В конце концов он оказался у Арона в кармане.

Они обнялись, и я проводила Арона прямо до выхода. Иосиф ещё немного посидел и подозвал Руди. Заплатив ему наличными, пожал руку и не спеша тоже направился к выходу. Я прогулялась вместе с ним до самой двери, мысленно пожелав ему всего хорошего. И через пару секунду я столкнулась с другим спешащим одиноким гостем. Он пролетел холл и, выбежав на улицу, резко остановился, потом повернул за угол в сторону, куда пошёл Иосиф, и больше я их никогда не видела.

³⁸ Возможно (англ. искаж.).

Чева

Этот незнакомый, молча принявший меня городок был аккуратно прикрыт невидимой глазу дремотной паутиной. Слегка и по-осеннему устало прикорнув, он выглядел заснувшим, как будто нудный шорох вяло шевелящихся под ленивой игрой ветра опавших листьев мог стать причиной его сладкого, почти гипнотического сна.

Я же во времена беспечного моего отцовства объездил с дочками на машине множество подобных, спрятавшихся на другом уровне бытия человеческих муравейников, где сонные туземцы с трудом могли сфокусировать свой тлеющий взгляд на нашей немногочисленной, но очень шумной семейке из двух баловниц и одного отпускника. Однако этот совсем уж неприметный безропотно остался тогда в стороне. Для выбора наших кратких ночёвок в незнакомой в ту пору Италии мы повиновались слепому наитию старшей моей Юлии, выбирающей пальчиком на обычной бумажной карте самые странные и неподходящие для этого места.

Я приехал сюда вечером, когда уже редкий свет из окон на главной улице мягко желтил плитку мокрых тротуаров. Моросило. В воздухе явственно ощущался запах моря. Я остановил машину, когда навигация бодрим голосом сообщила, что искомый мною приют находится справа от меня. С трудом рассмотрев вывеску пансиона между двумя куста-

ми всё ещё цветущей жимолости, я вышел без зонта, запрокинул голову до хруста в шее, и влага мелкой вездесущей мошкаррой из капель мгновенно облепила мне лицо. Затянутое чернеющее небо с просветами в гамме цветов сумеречного моря, казалось, опустилось как можно ниже в желании рассмотреть уставшего меня с лёгкой беззащитной лужайкой на макушке, благодарно вдыхающего неведомые запахи, полные тёплой сырости угасающего лета.

Я не знаю, почему она вышла замуж за того итальянца – «милого увальня», который вдруг прославился своим мало-подвижным, почти кастрированным от чувств, однако всё же редким по природе басом-профундо. «Ты бы слышал его Командора!.. И он такой дуся, тебе бы он понравился!» – объясняла она мне, лежа обнажённой на кровати одного из наших очередных альпийских пристанищ. Тапок с вышитым золотом вензелем отеля при этом плавно покачивался на самом кончике её изящной ступни. Вот благодаря этому «дусе» мой малодушный вопрос – «А как же теперь быть мне, свет мой?» – лишь покалывал кончик моего языка в боязни её внезапно страшного ответа.

Невысокая девушка, почти подросток, с трогательным

бейджиком «Габриэлла» открыла мне тяжёлую дверь и буквально затащила вовнутрь. Её взгляд блуждал у меня по рукам в немом поиске какого-нибудь подобия багажа. Я покачал головой – нет, в этот раз я представлял собой облегчённый вариант «пришельца».

Я поехал без смены одежды, даже без бритвы – просто сунул в карман Майзл и обыденно нажал пульт от своего гаража. И всё потому, что она сказала «через два дня» и назвала город в пятистах километрах от меня и в получасе езды от неё. Я же со своей актёрской невострребованностью всегда нуждался в выстраивании нужных мне мизансцен, подборке расшитых природой занавесов и режиссёрской определённости интонаций. В таких случаях я редко заигрывал со временем.

Когда она ответила согласием встретиться, её голос был торопливым и озабоченным. Бог дал мне слух настройщика, и это дополнительное преимущество позволяло мне улавливать в её глубоком сопрано быстро сменяющие друг друга модуляции её настроения.

Как-то в Монтрё, куда я повёз своих погодок на кладбище к тёще, я познакомил их с ней, лукаво поиграв со случаем. Мы вместе гуляли по верхнему парку какое-то недолгое упоительное время. И мои девчонки наперебой пытались

убедить её, что именно с этого места, откуда открывался вид на весь залив, молодые пустельги учат своих птенцов летать, и смешно взмахивали руками, показывая, как. Она заливи-сто смеялась и тепло смотрела на меня. Потом, выждав момент и почти прикоснувшись к моему уху своими тонкими губами, тихо сказала на своём переливчатом итальянском: «Я бы тоже хотела иметь от тебя... таких дочек». Я никогда не слышал у неё ранее такую глубокую тональную перебивку, когда гортань слегка спазмирует на непривычной для неё модуляции... И через полгода позвала на свою свадьбу: «Знаю, что ты не придёшь, поэтому и зову».

Комната, в которую я поднялся, встретила меня последней вспышкой ушедшей в небытие лампочки. В другой момент я счёл бы это плохим предзнаменованием, но на сегодня всё моё всевластное суеверие было беспомощно, как заблудившаяся в Ватикане античная богиня. И пока растерянные глаза блуждали по темноте, пришлось споткнуться о кровать и познакомиться с твёрдым углом письменного стола: «Чёрт!» Возвращению в богатую фотонами реальность я стал обязанным какому-то позднему шоферу, нагло выхватившему светом фар из полной кромешности всю комнату на вполне достаточное для узнавания расстановки сил моего мебельного противника мгновение.

Уже по памяти найдя настольную лампу, я как Аладдин потерял её, чтобы выпустить на волю свет. Первое, что я увидел, – себя в зеркале над столом. Ещё влажное лицо, неприятно знакомые глаза, сдобренные кругами цвета только что ушедшей темноты, прядь волос над правой бровью и безвольная обречённость как контрапункт всему моему нынешнему я.

Пришлось немного полежать на кровати в слабой попытке унять головокружение от быстрой дороги. Однако через несколько минут нервозный голод всё же заставил меня спуститься вниз. В призрачной надежде для этого сонного безвременья я обратился к Габриэлле с мольбой о помощи. Та секунду-другую, вытирая фартуком и без того чистые руки, размышляла над чем-то, а потом уверенно направила меня в Ristorante на углу: «Смело требуйте что-нибудь горячее у Вико. Он ленивый, но добрый! Думаю, печь ради одной пиццы он разжигать уже не будет, но его знаменитые каннеллони Вам ещё удастся попробовать». Не предусматривающим возражения жестом она сунула мне в руки купон на скидку и огромный зонт цвета хаки.

Дождь, как оказалось, зарядил сильнее. Когда часть видимого мира закрыта зонтом, воображение даёт себе волю. Пока я шёл до «угла», а это, как оказалось, ещё добрый километр пути, то по разноцветному отблеску витрин, по мигающим оранжевым пятнам от скрытых от взора светофоров, по отражённым буквам светящихся реклам я без труда дори-

совывал перекрёстки, выстраивал дома, додумывал вывески и пытался объять всю полноту угасающей к ночи незнакомой жизни. Влажный воздух, ещё местами тёплый из-за нагретых за день стен домов, уже заигрывал среди лета с запахами осени, как бы пробуя на вкус новые ароматы, только-только входящие в моду.

В моём кармане зазвонил телефон. Я не стал смотреть на экран. Жена сама поставила мне на свой звонок отрывок из Вагнера, и теперь валькирии торжественно закружились у меня в кармане, удивительным образом попадая в такт роящемуся вокруг близкого фонаря мошкариному стаду. Я несколько секунд полюбовался игрой природы в совпадения и сбросил звонок. Она меня поймёт.

Я познакомил её со своей женой из-за лёгкого опьянения. Ни она, ни я почти никогда не заговаривали о моём супружестве. Этот неоспоримый факт не обговаривался нами по умолчанию. Так забывается среди близких родственников какое-то увечье или врождённая патология одного из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.